

МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В МЕТАФОРАХ И СРАВНЕНИЯХ

Е. А. Барляева

Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины

Поступила в редакцию 8 марта 2016 г.

Аннотация: статья анализирует метафоры и сравнения, описывающие ментальные процессы человека. Примеры метафор и сравнений взяты из работ философов, психологов и лингвистов, а также художественной литературы. Как показал анализ, такие сравнения и метафоры имеют в своем составе древнейшие архетипы, которые актуальны для современного Человека Говорящего.

Ключевые слова: метафора, сравнение, архетип, прафеномен, прасимвол.

Abstract: the article analyzes metaphors and similes describing human mental activity. Works by philosophers, psychologists and linguists as well as works of fiction were used as the sources of metaphors and similes. The analysis shows that such similes and metaphors contain ancient archetypes that appear to be relevant for modern *Homo Loquens*.

Key words: metaphor, simile, archetype, pre-phenomenon, pre-symbol.

Цель данной статьи – рассмотреть, как мыслительная деятельность человека может быть описана в сравнениях и метафорах. Наш мозг и мыслительная деятельность, которая является частью деятельности мозга, до сих пор представляют собой некий «черный ящик». В настоящей работе мы проанализируем то, с чем чаще всего сравнивают мыслительную деятельность люди, далекие от изучения мозга.

Выбор метафоры и сравнения как средств описания мыслительной деятельности не случаен. Метафоры мы рассматриваем как выражения, содержащие бытийную истину и проникающие в сущность предмета. В этом смысле будем придерживаться точки зрения Н. Д. Арутюновой, которая выразила эту мысль следующим образом: «метафора – это то, что есть», «спор о выборе метафоры – это спор об истинной сущности предмета» [1]. Что касается сравнений, то их близость к метафорам дает основание некоторым исследователям заявить, что метафора есть укороченное сравнение. Трактовка метафоры как укороченного сравнения в некотором смысле является традиционной и идет из античности. Еще Аристотель рассматривал метафору как укороченное сравнение: «Сравнение есть также метафора, так как между тем и другим существует лишь незначительная разница. Так, когда поэт говорит об Ахилле: “он ринулся, как лев” – это есть сравнение. Когда же он говорит “лев ринулся” – это есть метафора... Сравнения следует допускать так же, как и метафоры, потому что они – те же метафоры и отличаются от последних только вышеуказанным» [2, с. 134].

1. Анализ высказываний известных философов, психологов, лингвистов, описаний из художественной литературы показал, что мыслительная деятельность часто сравнивается с плетением узора, ткачеством. Такое сравнение является архетипическим. Архетип «орнамент» является древнейшим. О. Шпенглер относил орнамент к прасимволам, или прафеноменам, культуры [3, с. 324]. Как показывают исследования, этот архетип является актуальным для современного человека. Например, Л. Витгенштейн так говорил о работе философа: «Ты полагаешь, что все-таки должен ткать некую ткань: поскольку сидишь за ткацким станком» [4, с. 209]. Сравнение мысли, замысла с переплетением нитей вполне оправдано, так как за каждым узором, за каждым орнаментом стоит некое содержание. Такие примеры часто встречаются и в художественной литературе: *The simple arrangements seemed threadbare now like an old, dull carpet* [5, p. 44]. Здесь говорится о не очень удачном замысле – он сравнивается со старым, протертым ковром. Аналогичные сравнения есть и в русском языке. «Шито белыми нитками», – говорим мы о неудачной задумке, плохо продуманном ходе. Когда хотим выразить неотчетливость замысла, используем выражение «путанные мысли», «рванные мысли». «Что ты плетешь?», – говорим мы о плохо выраженной мысли. С другой стороны, существительное «сметка», а также прилагательное «сметливый» выражают остроту ума и сообразительность. То же самое значение имеет выражение «связная речь». Его употребление говорит о хорошо продуманном плане, замысле. Идея «ткачества» обнаруживается также в следующих метафорических выражениях: *to weave ideas, interweave ideas, tangle of ideas*. Приведем в качестве

примера предложение из книги Лакоффа и Джонсона «Philosophy in The Flesh»: This chapter *weaves those strands into an intergrated account of how we conceptualize and describe subjective experience* [6, p. 46]. Здесь говорится о том, что глава подводит итог размышлениям авторов, сплетая отдельные нити повествования в цельную картину того, как человек концептуализирует и описывает субъективный опыт. Приведем основное значение глагола *weave*:

Weave (v) – to make fabric by passing threads or strips across, over and under other ones, by hand or on a machine [7, p. 1350]. Как видно из словарного определения, основное значение глагола *weave* связано с переплетением нитей вручную или машинным способом.

Мысль часто сравнивается с нитью. Таких примеров достаточно в художественной литературе:

You broke the thread of my thoughts [8, p. 94].

It was some moments before he spoke again and, when he did, it was to pick up the thread of his original thought [9, p. 89].

Нужно отметить, что в русском языке есть аналогичное выражение. Мы говорим о том, что «потеряли нить разговора» в случае коммуникативной неудачи или при нарушении хода мыслей.

Язык, чьей функцией является выражение мысли, также сравнивается с переплетением нитей, тканью. Например, Г.-Г. Гадамер отмечает, что текст – это текстура, ткань, т.е. «целое, образуемое отдельными нитями, тесно переплетенными особым, лишь данной ткани присущим образом» [10, с. 142].

Такие высказывания создают представление о сознании как некоем узоре, мозаике, где возможны многочисленные комбинации и перекомбинации смыслов. В настоящее время ученые, занимающиеся мозгом, говорят о различных комбинациях нейронов, соответствующих разным когнитивным запросам. На фотографиях конфигурации нейронов выглядят как нити, тесно взаимосвязанные между собой. В результате этих связей возникает некая картина, орнамент. Идея «картины», «орнамента» содержится и в метафорах и сравнениях, описывающих ментальную деятельность человека. И не важно, какими средствами этот «орнамент» создан – соткан или нарисован: *He was like a canvass on which large areas were done in exquisite detail while others were totally blank* [11, p. 6]. Главный герой, его личность и состояние ума сравнивается с картиной, отдельные части которой написаны детально, а остальные не очень точно. Очевидно, сюда же можно отнести выражения «чистый холст» и «картина сознания».

О том, что изложение мыслей на бумаге носит творческий характер, говорили многие философы. При описании этого процесса всегда возникает символ картины, рисунка, орнамента. Например,

Л. Витгенштейн сравнивает мыслителя с рисовальщиком, который пытается воспроизвести все взаимосвязи вещей. Он называет свои «Философские исследования» зарисовками и отмечает, что некоторые части книги неправильно нарисованы и полны огрехов слабого рисовальщика [4, с. 78]. Итак, письменное, дискурсивное изложение мыслей может напоминать картину, но с другой стороны и некая картина, некий орнамент может быть похож на письмена. Л. Витгенштейн приводит в пример следующий диалог: «Вот предложение, написанное по-китайски» – «Нет, это лишь похоже на письмена, на самом деле это орнамент». Приведем пример, где линии букв напоминают нити, связывающие слово воедино: *the lines of the letters were like fine invisible threads...* [12, p. 52]. Слова напоминают некий узор, вытканый буквами-нитями.

Интересную мысль высказывает Л. Ф. Чертов в исследовании «Знаковость». Среди изображений особую близость к знакам (имеется в виду письменным) обнаруживают рисунки, родственные и по своему происхождению, и по способу начертания знакам письма. Это родство зафиксировано в этимологии слов «знак», «рисунок», «чертеж» во многих языках. Этимологическую близость обнаруживают английские слова *sign* и *design*, французские *signe* и *dessin*, немецкие *Zeichen* и *Zeichnung*, а также русские «знаменить» – наносить рисунок на иконе, однокоренное словам «знамение» и «знамя» и этимологически близкое слову «знак» [13, с. 140]. Таким образом, любая мыслительная деятельность представляет некий орнамент, рисунок или картину, и в то же время любая картина – дискурсивна. Основная задача – понять ее замысел.

2. Мыслительная деятельность также может связываться со световыми явлениями. Дж. Локк, размышляя об идеях, называет их «умственными рисунками». Одни из них могут быть «ясными», другие «путанными». Существование «ясных» и «путанных» идей Дж. Локк связывает с чувственным восприятием, со зрением. Ясным мы называем то, что различаем хорошо, а смутным то, на что не падает достаточно света для его четкого различения [14, с. 415–419]. Той же точки зрения придерживается Г. Лейбниц [15]. Похожую идею высказывает и Р. Декарт: «Истинно все то, что я воспринимаю ясно и отчетливо. ... На все, на что мне указывает естественный свет, не может быть сомнительным» [16, с. 29]. «Путанные» и «отчетливые» мысли выступают в качестве терминов в теории феноменологии Э. Гуссерля. Если мысль «приходит к нам на ум», но мы не обращены к ней, и она где-то на «заднем плане», то скорей всего она представляет собой некое «путанное» воспоминание. Когда же мы направим луч нашего внимания на такую мысль и вновь припомним шаг за шагом весь ход

доказательства, то такая мысль из «путанной» перейдет в «отчетливую» и «ясную» [17, с. 383].

Итак, Дж. Локк, Г. Лейбниц и Р. Декарт связывали «ясные» и «путанные» идеи со светом. «Путанным» и «смутным» они называли все то, на что не падает достаточно света для его четкого различения. В этих описаниях умственной деятельности также прослеживаются архетипические представления, ведь «свет» является важнейшим и древнейшим архетипом. И это естественно. Для человека, как и для всякого животного, ведущего дневной образ жизни, свет является условием наиболее активной деятельности, мыслительной в том числе.

Наиболее яркие прозрения связываются со вспышками света, например, с молнией. Приведем пример из художественной литературы: *His own questions hurt like lightning flashing from the distant storm* [5, p. 100]. Активная умственная деятельность сравнивается со вспышками молний.

Сравнение мысли с молнией Л. Витгенштейн также приводит в «Логико-философском трактате»: *On the other hand, however, one does speak of the speed of thought, of how thought goes through one's head like a lightning; how problems become clear to us in a flash, and so on* [18, p. 104]. Ученый выделяет особый тип мысли – мысли-молнии, который в дальнейшем обозначается как *lightning-like thought*. Похожее выражения для обозначения мысли, формулирующей решение проблемы, есть и в русском языке, например, «мысль пронеслась молнией», «как молнией ударило». Внезапная идея в русском языке также связана со светом: «его озарило», «озарение».

И. П. Павлов, создатель учения о высшей нервной деятельности, также обращался к «световым явлениям» при описании мыслительной деятельности человека. В поисках ответа на вопрос, какие нервные процессы происходят в больших полушариях, когда человек говорит, что осознает себя, он предположил, что сознание представлено деятельностью находящегося в состоянии определенной возбудимости «творческого» участка коры больших полушарий. Свои мысли И. П. Павлов выразил в образной форме: «Если бы можно было видеть сквозь черепную коробку и если бы место с оптимальной возбудимостью светилось, то мы увидели бы на думающем сознательном человеке, как по его большим полушариям передвигается постоянно изменяющееся по форме и величине причудливо меняющихся очертаний светлое пятно». Эта теория известна как теория «светлого пятна». Удивительно, что это высказывание И. П. Павлова пророчески подтвердилось. Как отмечают исследователи, сейчас действительно можно видеть «сквозь черепную коробку» активные зоны

мозга, и это очень похоже на то, о чем говорил И. П. Павлов [19, с. 192].

3. Мыслительную деятельность можно сравнить с течением воды, потоком. Приведем примеры из художественной литературы:

I have always had information like a sea in me [20, p. 18]. Информация, хранящаяся в сознании, сравнивается с морем.

His head reeled, his thoughts flying away like water violently shaken from a dog's coat [5, p. 102]. В данном примере нервное состояние героя, его несобранные мысли сравниваются с капельками воды.

He soaked information like a sponge [11, p. 6]. В этом примере мозг сравнивается с губкой, впитывающей в себя информацию, подобно тому, как губка впитывает в себя воду.

Спокойные размышления, как правило, сравниваются со спокойным течением, потоком воды. В следующем примере это передано выражением *the flow of thought*:

Caravaggio watches Hana, who sits across from him looking into his eyes, trying to read him, trying to figure the flow of thought the way his wife used to do [20, p. 39]. В русском языке также есть выражение «течение мысли», что характеризует спокойный и размеренный мыслительный процесс.

Вода также является базовым архетипом. Известный итальянский психоаналитик Р. Ассаджиоли пишет, что среди природных архетипов важнейшими являются море, ручей, река и некоторые другие [21, с. 167–168].

Подведем итоги. Анализ метафор и сравнений, описывающих мыслительную деятельность человека, показал, что в их основе лежат базовые архетипы человечества. Мыслительная деятельность сравнивается 1) с плетением узора, ткачеством, а также с рисунком, орнаментом (метафорически выражается глаголами *weave, interweave*; существительными *picture, canvass*; отдельная мысль может быть представлена нитью – *thread, strand*; в русском языке это сравнения – картина сознания, переплетение идей, потерять нить разговора); 2) со светом (яркие мысли уподобляются молнии – *lightning-like thought*; в русском языке – озарение, как молнией ударило); 3) с потоком, течением воды (*flow of thought*; в русском – поток сознания, течение мысли).

Видим, что и русский, и английский языки одинаково описывают процессы протекания мыслительной деятельности. Это говорит о том, что люди, независимо от того, на каком языке они говорят, интуитивно верно схватывает суть процессов, происходящих в ходе мыслительной деятельности человека и используют одинаковые архетипические представления, выраженные посредством метафор и сравнений, для их описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
2. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторика / общ. ред. А. А. Тахо-Годи ; вступ. ст. А. Ф. Лосева. – М. : Изд-во МГУ, 1978.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер ; пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М. : Мысль, 1993. – 663 с.
4. Витгенштейн Л. Философские работы : [пер. с нем.] / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 612 с.
5. Thomas C. All the Grey Cats. Published by William Collins Sons, Glasgow, 1989. – 589 p.
6. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. – New York, 1999. – 624 p.
7. Oxford Advanced Dictionary. Oxford University Press, 1995. – 1429 p.
8. Conan Doyle. Sherlock Holmes & Other Detective Stories. Harper Collins Publishers, 1994. – 1468 p.
9. George E. A Great Deliverance. Bantam Books. New York, Toronto, London, 1993. – 593 p.
10. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного [пер. с нем.] / Г.-Г. Гадамер. – М. : Искусство, 1991. – 367 с.
11. Rivers C. Girls forever Brave and True. Futura Publications, London 1998. – 538 p.
12. Joyce J. A Portrait of the Artist as a Young Man. Penguin Books, 1996. – 288 p.
13. Чертов Л. Ф. Знаковость : опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи / Л. Ф. Чертов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. – 388 с.
14. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1985. – Т. 1. – 679 с.
15. Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. / Г. В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1983. – Т. 2. – 686 с.
16. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. / Р. Декарт. – М. : Мысль, 1989. – Т. 2. – 656 с.
17. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль ; пер. с нем. А. В. Михайлова. – М. : Академический проект, 2009. – Кн. 1. – 489 с.
18. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Basil Blackwell Ltd. 1989. – 246 p.
19. Психофизиология : учеб. для вузов. – СПб. : Питер, 2006. – 464 с
20. Ondaatje M. The English Patient, Random House, USA, 1996. – 419 p.
21. Ассаджиоли Р. Психосинтез : изложение принципов и руководство по технике / Р. Ассаджиоли. – М., 1994. – 286 с.

Санкт-Петербургская государственная академия
ветеринарной медицины

Барляева Е. А., доцент кафедры иностранных языков

E-mail: lena6417@yandex.ru

Tel.: 8 (921) 747-57-17

St.-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine
Barlyayeva E. A., Associate Professor of the Foreign
Languages Department

E-mail: lena6417@yandex.ru

Tel.: 8 (921) 747-57-17